

И. М. Никольский

<https://orcid.org/0000-0001-6428-5357>

✉ ivannikolsky@gmail.com

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Россия,
Москва)*

«SUB IMAGINE PACIS NON PACEM, SED BELLA GERUNT»: ТРОЯНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО И ВОЙНА ПОД ВИДОМ МИРА В «ПОХИЩЕНИИ ЕЛЕНЬ» ДРАКОНЦИЯ (*Rom.* 8.255–256)

Аннотация. В статье рассматривается эпизод с посольством троянцев в эпилии поэта V в. Драконция «Похищение Елень». К. Поль, создательница последнего комментированного перевода «Похищения» на сегодняшний день, обратила внимание на авторскую характеристику делегатов: те «под видом мира несут не мир, а войну». На вопрос, содержат ли эти слова прямую критику послов, считает ли Драконций их пусть отчасти, но виновными в дальнейших трагических событиях, исследовательница отвечает положительно, подразумевая прежде всего непрофессиональное поведение переговорщиков. В настоящей работе, в свою очередь, приводятся аргументы в пользу того, что послы действуют по воле рока, при этом вполне осознанно, держа в уме грядущее величие своих потомков, римлян, обещанное им Аполлоном (sic). Похожую интерпретацию предложил в свое время Х. Диас де Бустаманте, однако недостаточно аргументировал ее, из-за чего в научной литературе она была незаслуженно, на взгляд автора настоящей статьи, маргинализована.

Ключевые слова: Драконций, эпилий, поздняя античность, латинская поэзия, Рим, Троянская война

Благодарности. Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Никольский И. М. «Sub imagine pacis non pacem, sed bella gerunt»: троянское посольство и война под видом мира в «Похищении Елень» Драконция (*Rom.* 8.255–256) // Шаги/Steps. Т. 12. № 1. 2026. С. 192–202. EDN: ОМОХАС.

Поступило 11 сентября 2025 г.; принято 30 января 2026 г.

I. M. Nikolsky

<https://orcid.org/0000-0001-6428-5357>
✉ ivannikolsky@gmail.com

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

SUB IMAGINE PACIS NON PACEM, SED BELLA GERUNT: THE TROJAN EMBASSY AND WAR UNDER THE GUISE OF PEACE IN DRACONTIUS' "ABDUCTION OF HELEN" (ROM. 8.255-256)

Abstract. The episode with the Trojan embassy occupies a central place both in terms of plot and structure in the 5th-century poet Dracontius' epyllion "The Abduction of Helen" (*De Raptu Helenae* = *Romulea* 8 = *Rom.* 8). It is after the failure of peace negotiations with Telamon regarding the return of Priam's sister Hesione, i. e., the main mission of the ambassadors, that the kidnapping of Helen — the key event of the poem — occurs, followed by the Trojan War. The author's words opening the scene have not been the subject of special research or commentary until recent years. It was only in 2019 that the German researcher K. Pohl, author of the most recent translation and edition of 'Helen' to date, drew attention to them. It concerns the characterization of the delegates: that those "under the guise of peace bring not peace but war" (*Rom.* 8.255–256). To the question whether these words contain direct criticism of the ambassadors, whether Dracontius considers them, at least in part, guilty of further tragic events, Pohl answers in the affirmative, implying first of all the unprofessional behavior of the negotiators. Diaz de Bustamante, relying precisely on the episode with Apollo's prophecy, once called doom the main force responsible for the war, but in a positive way for the Trojans: after all, the deity promised them "unlimited power". Since the researcher did not give any further arguments, and Apollo did not seem to act in the interests of the Trojans and tried to lead them astray, this point of view was rejected in the scholarly literature — and, as I try to argue, it seems unfair.

Keywords: Dracontius, epyllion, late antiquity, Latin poetry, Rome, Trojan war

Acknowledgments. The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme.

To cite this article: Nikolsky, I. M. (2026). *Sub imagine pacis non pacem, sed bella gerunt: The Trojan embassy and war under the guise of peace in Dracontius' "Abduction of Helen" (Rom. 8.255–256)*. *Shagi / Steps*, 12(1), 192–202. EDN: OMOXAC. (In Russian).

Received September 11, 2025; accepted January 30, 2026

Эпизод с посольством троянцев к саламинскому царю Теламону занимает центральное и с точки зрения сюжета, и с точки зрения структуры место в эпиллии поэта V в. Драконция «Похищение Елены» (*De Raptu Helenae = Romulea 8 = Rom. 8*). Именно после провала мирных переговоров о возвращении Приаму его сестры Гесионы, т. е. основной миссии послов, происходит то самое похищение — ключевое событие поэмы, — а вслед за ним Троянская война, предыстории которой посвящено произведение.

Сцена, занимающая в общей сложности 130 строк (*Rom. 8.250–379*), включает монологи Антенора и Полидаманта, гнев и успокоение саламинского царя, пир и прощальные, вроде бы примирительные слова третьего делегата, Энея. Парис, следующий с ними, никак не проявляет себя, будто дожидаясь своего выхода в нужный момент — когда приключившийся на обратном пути шторм сведет их с Еленой.

Происхождение истории с посольством принято связывать — или по крайней мере сравнивать — с творчеством (псевдо-)Дарета Фригийского¹. Общность версий не вызывает сомнений даже несмотря на некоторые сюжетные расхождения. Так, в отличие от Драконция, у Дарета посольство проходит в два этапа: сначала отдельно в лице Антенора (*DETH 5*), а затем — когда его миссия не увенчивается успехом, в лице других делегатов, включая названных в «Похищении Елены» Полидаманта, Энея и Париса (*DETH 7–9*). Некоторые указания на то, что история с этим посольством, известная Драконцию, бытовала в античной латиноязычной традиции и раньше, до V–VI вв., дают текст Вергилия (*Aen. X.157*) и комментарий Сервия к нему же (*Aen. X.91*).

Авторские слова, открывающие сцену (250–258), до последнего времени не становились предметом специального исследования или комментария. Лишь в 2019 г. на них обратила внимание Катарина Польш, создательница наиболее свежего на сегодняшний день перевода и издания «Елены». Речь идет о характеристике делегатов, которые «следуя с ветками зеленеющей оливы к царским покоям, под видом мира несут не мир, но войну» (254–256: *ramos frondentis oliuae / Portantes ad tecta ducis sub imagine pacis / Non pacem, sed bella gerunt*²), ведь их речь была способна «вооружить мужа», т. е. Теламона, если бы не правила гостеприимства (256–258: *nam dicta tenebant, / Quae possent armare uirum, nisi iura uetarent / Hospitii, quae nemo parat uiolare modestus*³). На вопрос, содер-

¹ Речь о тексте «История разрушения Трои», он же «*De excidio Troiae historia*», далее *DETH*. Полемику о параллелях между двумя авторами см., например, в [Schetter 1987; Gärtner 1999: 399–408].

² Склонен согласиться с французской [Wolff 1996: 23] и немецкой [Pohl 2019: 111] версиями перевода этого фрагмента в том смысле, что глагол *gero* здесь значит именно «нести», а не «вести» — хотя бы потому, что иначе не объяснить присутствие слова *pacis* «мир» в качестве его объекта.

³ «Ведь вели [послы] такую речь, что могла бы вооружить (т. е. настроить на войну. — *И. Н.*) мужа, если бы не запрещал закон гостеприимства, который не готов нарушить ни один приличный человек».

жат ли эти слова прямую критику послов, считает ли Драконций их пусть отчасти, но виновными в дальнейших трагических событиях, исследовательница отвечает положительно, подразумевая прежде всего непрофессиональное поведение переговорщиков [Pohl 2019: 296, 300–304].

Действительно, кажется, что объяснение вполне логичное: дальше Антенор в грубой и ультимативной манере требует отдать Гесиону (274–278), поясняя, что Приам не может стерпеть такого позора, когда его сестра в плену⁴, да и сам факт просьбы — уже безобразие⁵. Теламон, воспринимающий Гесиону не только как законную жену, но и как военный трофей — ведь он уже побеждал троянцев, — закономерно впадает в ярость и грозит троянцам новым конфликтом, если им показалось мало в прошлый раз (316–326).

Спасти положение с трудом удается Полидаманту: тот успокаивает Теламона словами о том, что Гесиона, формально будучи рабыней, на деле сама держит в плену победителя, и такой союз Пергаму только на руку (327–349)⁶. Изящная, но довольно рискованная речь, с одной стороны фактически обозначающая отказ делегатов от ультимативных претензий⁷, а с другой — нивелирующая апломб саламинского царя⁸, вроде бы даже позволяет достичь временного согласия между сторонами⁹. Теламон, уподобленный льву (350–364), умеряет свою вспыльчивость и устраивает пир. Эней, по завершении трапезы произносящий прощальную речь в адрес саламинского царя, вроде бы и из лучших побуждений нахваливает растущего Аякса, который «трижды все покорит, трижды все сокрушит» и

⁴ 274: turpe ducis seruire genus crimenque putatur — «считается позором и преступлением, что царский род прислуживает [как будто рабский]»

⁵ 278: quod peteris, Telamon, scelus est et fama pudoris — букв. «То, что у тебя требуют, Теламон, — злодеяние и постыдное клеймо». Возможно — и, вероятно, сознательно заложено автором — двойное толкование. *Quod* может означать и сам факт просьбы (плохо, что приходится просить), и ее содержание (плох характер требований). Общий пафос монолога Антенора заставляет склониться к первому варианту, а во втором видеть дополнительную издевку: дескать, мы знаем, что требуем недопустимого, ну и что с того?

⁶ Особенно ст. 336–340: Quae sit gens Dardana, rector, / Exhinc nosce precor: nescit seruire subacta, / Quam melius regnare decet; haec imperat Argis, / Per quos uicta perit; dominam sibi Graecia uictrix, / Non famulam quaesiuit ouans — «Прошу, узнай, правитель, каков с тех пор народ Дарданов: незнакомо рабство покоренным, которым подобает больше править, — аргосцами они повелевают, из-за кого пропали, проиграв. Ликующая Греция-победительница не служанку получила, но госпожу». Довольно двусмысленно сформулированный латинский текст можно относить как к троянцам в целом, так и к Гесионе лично.

⁷ 330–332: Temperet inuidia, frangat dolor, ira quiescat. / Captiuam repetit, reginam frater honorat, / Nos et adoramus — «Пусть ненависть остынет, боль утихнет, усмирится гнев. [Гесиону] как пленнику брат хочет вернуть, царицей [же] ее почитает — и мы восхваляем».

⁸ В частности, в ст. 335–336: diadema tiam / Qui tulit ipse dedit — «Диадему, тиару кто отнял, сам и дал».

⁹ Репутацией героя, умеющего сглаживать углы и давать рациональные советы, Полидамант обладает со времен «Илиады» (XII.60; XVIII.255).

будет «стеной для товарищей»¹⁰, но теми же словами фактически обозначает ситуацию, в которой эти качества будут вынужденно востребованы. Войны уже не избежать — это ясно и читателям, и самим героям.

В поэме не описываются сами события Троянской войны. Сложно представить, по какой траектории повел бы Драконций своих героев — участников посольства, включи он эти события в повествование. У Дарета, к примеру, все трое изображаются предателями, открывшими ворота грекам, причем главный зачинщик среди них — тот самый грозный Антенор. Здесь он первым советует троянскому царю пораженческий (как тому кажется) мир, а получив отповедь, вступает в сговор с врагами (*DETH* 37–41)¹¹. Драконций же, решивший посоревноваться с мэтрами эпического жанра, Гомером и Вергилием, пройти, по собственному выражению, «лучшей дорогой» (*aggrediar meliore via*)¹², видит свое назначение в написании именно приквела к Троянской войне — а также, как будет еще отмечено в настоящей работе, в изображении ее последствий. Таким образом, главный вопрос относительно интерпретации поэмы сводится к тому, кого или что он считает ответственным за ее развязывание и что считает результатом.

Общий ответ вроде бы лежит на поверхности: виноват Парис, поправший узы законного брака, — об этом как о главном предмете повествования говорится в первых строках пролога (1–4)¹³, а печальным итогом должна стать массовая гибель и троянцев, и греков¹⁴. Поведение послов, также по-своему покушающихся на брак — теперь уже Теламона, — который тот считает законным и который в тех же категориях описывает автор¹⁵, вполне органично дополняет эту картину и работает на популярную в исследовательской литературе точку зрения, согласно которой поэма Драконция представляет собой манифест против прелюбодеяний¹⁶.

¹⁰ 376–378: *ter cuncta domans ter cuncta reuellens, / Murus erit sociis <...> Ajax, magne, tuus!* — «Трижды все покоряя, трижды все сокрушая, станет соратникам стеной твой Аякс, о великий».

¹¹ Об антивоенной позиции Антенора, обнаружившейся на совете троянцев, упоминает еще Гомер (*Il.* VII.345–353). Таким же его показывает Диктис Критский в «Дневнике Троянской войны» (4.22–5.2). На тему «предательской» репутации Антенора рассуждает и Сервий (*Aen.* 1.242). Тит Ливий, в свою очередь, отмечает, что Эней и Антенор — единственные троянцы, кого не тронули греки при штурме Трои (I.1.1). Ср. *Origo gentis Romanae* 9.1–2, а также пересказ Дионисием Галикарнасским Менекрата Ксанфского в «Римских древностях» (I.48.3 = FGtHist 769).

¹² См. подробнее, например: [Bretzigheimer 2010].

¹³ Парис представлен здесь как «троянский вор» (*praedo Troianus*), «враг гостеприимца» (*hostis hospitis*), «разоритель брачного ложа» (*populans iura thalami mariti*).

¹⁴ 41–44: *damnantur morte parentes, / Damnantur fratres, et quisquis in urbe propinquus / Aut cognatus erat, cunctos mors explicat una. / Atque utinam infelix urbs tantum morte regiret!* — «Осуждены на смерть родители, осуждены братья, и кто бы ни приходился в городе [кому-то] близким или родственником — всех ждет одна смерть. И ладно бы один лишь несчастный город [Троя] [этой] смертью погиб».

¹⁵ 288–289: *Conubium regni, thalami consortia casti / Scindere poscebant* — «Они (послы. — *И. Н.*) требовали расторгнуть царский брак, узы чистого ложа».

¹⁶ См., например: [Simons 2005; De Gaetano 2009; Wasyl 2011].

В таком случае вопрос о виновниках войны, конечно, сужается до степени виновности разных представителей троянской стороны: насколько виновен Парис, насколько — послы, а насколько — Приам, организовавший посольство. Нарочито миролюбивая риторика троянского царя (223: *Nusquam bella paro, regnum sub pace gubernabo*¹⁷), конечно, переключается со словами о послых, несущих «войну под видом мира»¹⁸, да еще и сопровождается пророчеством о жене, которую Венера даст в результате экспедиции Парису, будто исход поездки заранее известен и Приаму¹⁹.

Однако, если учитывать склонность автора к оксюморонам, вроде *pius furor*²⁰ или *impia pietas*²¹, известным по другим произведениям, например, по «Трагедии Ореста»²², такой подход окажется упрощенным. Парадоксы и разного рода перевертыши присутствуют и здесь. Похититель и вроде бы главный злодей и виновник всех бед Парис, знакомясь с Еленой и флиртуя с ней, говорит, что на месте мужа служил бы ей как раб²³. Та, в свою очередь, иронично именуется «добровольной добычей» (*comitans rapina*, 544²⁴). Там, где рабство — это власть, нет ничего странного, что и мир — это война. С другой стороны, и греки во главе с Теламоном, не отдающим Гесиону Приаму, в прологе прямо называются причиной войны (45–54). Но по каким же законам в таком случае функционирует странный мир Драконция, какая в нем логика?

Настоящей сквозной движущей силой поэмы, ее постоянным мотивом является рок, *fatum*. Сцены с предсказаниями, содержащие его упоминания в словах Гелена, Кассандры, Аполлона и некоего птицегадателя, потомка Мелампа, занимают значительную часть произведения (120–210, 453–480). Контекст каждый раз разный. Гелен и Кассандра друг за другом пытаются убедить троянцев, и в первую очередь Приама и Гекубу, убить Париса, избавив Пергам от грядущих несчастий (120–133, 134–182). Аполлон, напротив, за него вступается, желая таким образом отомстить троянцам за обман (183–210).

¹⁷ «Никогда не готовлю войны, царством правлю мирно».

¹⁸ Благодаря словам *sub pace*, употребленным в обоих случаях.

¹⁹ 229: *Dat Venus uxorem, faciet te Iuno maritum* — «Дает Венера жену, Юнона сделает мужем».

²⁰ «Благочестивое безумие».

²¹ Букв. «неблагочестивое благочестие», но точнее «немилостивая милость».

²² *Orestis Tragoedia* 5–10, 19. См. также «Хвалу Господу» того же автора (*De laudibus Dei* 3.321–384).

²³ 522–524: *Tali semper ego dignatus coniuge felix / Non desim: famuler supplex et iussus adorem, / Conubio seruus ueniam sub lege mariti* — «Будь навсегда я такой жены удостоен, счастья бы не упустил: взмолившись, прислуживал бы и восхищался, получив приказ — по праву мужа став рабом супруге». Похожим образом Полидамант высказывается о браке Теламона с Гесионой (333–335: *regnum captiua meretur, / Fit felix de sorte mala, fit praeda potestas, / Imperium de clade tenet* — «Достойна пленница царства, дурная участь приносит ей счастье, роль добычи приносит ей власть»).

²⁴ Она же «добровольно похищается» (*volens rapitur*, 566).

В свое время Х. Диас де Бустаманте, опираясь на эпизод с Аполлоновым пророчеством, назвал именно рок главной силой, ответственной за войну, но в весьма перспективном для троянцев ключе [Díaz de Bustamante 1978: 125–128]: ведь божество — вслед за Вергилиевым Юпитером (!) — обещало им «власть без границ»²⁵, если они будут покорны судьбе. Поскольку исследователь не привел других доводов в пользу того, что Аполлон действовал, в сущности, в интересах троянцев, эта точка зрения была отвергнута в научной литературе²⁶ — и кажется, напрасно.

На неизменность воли рока указывает сам автор, завершая свои прологовые рассуждения о причинах Троянской войны²⁷. Гелен и Кассандра, требуя расправы над Парисом, и сами не особенно верят в успех своих предложений: дескать, как они могут перечить судьбе?²⁸ Да и Парисом, когда он решает оставить пастушество и объявиться перед царской семьей, движут не только собственные намерения (*mens*), но и рок (*fata*)²⁹. Слова о судьбе вкладываются и в уста Елены, когда та соглашается следовать за Парисом³⁰. Таким образом, все персонажи так или иначе эту волю знают и ей следуют. Это касается и Приама, организующего посольство и знающего, чем оно закончится — браком Париса, — и соответственно относится к послам: они просто исполняют свою партию, подключаясь в нужный момент. Войну «под видом мира» они несут не из-за собственной некомпетентности и не по злой воле, а зная, что от нее никуда уже не деться. Точно так же знают судьбу члены другой делегации, встречающей корабль уже с Парисом и Еленой, — и демонстрируют полную ей покорность³¹. Даже Аполлон, какими бы мотивами ни руководствовался, вещает о том, чего избежать невозможно, — и, несмотря на провокационную и

²⁵ 199: *imperium sine fine*, выражение, процитированное из «Энеиды» Вергилия (I.279).

²⁶ Критику Х. Диаса де Бустаманте см., например, в [Weber 1995: 51; Simons 2005: 291–293]. Подробный список исследователей-критиков см. в [Simons 2005: 291, п. 219].

²⁷ 57: *Compellunt audere uirum fata, impia fata* — «Заставляют судьбы мужа дерзать, немилосердные судьбы».

²⁸ 131: *Sed quid fata ueto* — «Но что я перечу судьбе?»

²⁹ 66–68: *Sordent arua uiro post iurgia tanta dearum, / Pergama sola placent et moenia quaerere Troiae / Mens et fata iubent* — «Опостытели мужу поля после такого спора богинь. Один Пергам его манит, отыскать стены Трои разум и судьбы велят».

³⁰ 534–535: *Sis mihi tu coniux et sim tibi dignior uxor. / Hoc nam fata iubent uel nos hoc Iuppiter urget* — «Стань мне супругом, и давай я буду достойнейшей женой: ведь это нам судьбы велят и к тому торопит Юпитер».

³¹ 624–630: *Non inuitus adest, nec gaudet fortior Hector, / Quem Troilus sequitur non inuitus tamen aeger, / Non membris sed mente grauis; praesagia sensus / Concutiunt animosque uiri: Mors ore cruento / Inter Troianos discurrit saeua caterua, / Ne uo quantos raptura uiros, quae fata datura / Aut quantas per bella nurus uiuare parata!* — «По своей воле стоит — но не рад — храбрый Гектор. За ним не против своей воли, но печальный следует Троил, отягощенный не телесной болью, но [тяжелой] думой: предзнаменования сокрушают разум и душу мужа. Смерть кровавой пастью несется среди троянцев [как] свирепая толпа. Увы! Сколь много мужей она заберет, какой рок принесет и скольких жен готова войной овдовить».

лукавую манеру речи, он говорит правду. Дословная цитата из Вергилия, в «Энеиде» которого судьба также управляет поступками героев, здесь совершенно не случайна.

О том, что Драконций был сторонником римского империализма и, живя в вандалском королевстве, мечтал о реванше, можно судить по риторике в других поэмах. В «Контroversии о статуе храброго мужа» (*Controversia de statua viri fortis = Rom. 5*) идеальный Карфаген — такой, который находится под властью римлян (*Rom. 8.108–117*). В «Хвале Господу» римляне названы столь милосердным народом, что оппоненты должны мечтать сдаться им в плен³². В посвящении Фелициану Грамматику Драконций, констатируя соседство варваров с наследниками Ромула в школьном классе, откровенно не рад таким однокашникам: ведь это все равно, что поместить рядом хищников с травоядными (*Rom. 1.1–10*).

Вряд ли случайным является и выбор персонажей для посольства в «Елене», среди которых, помимо Энея — главного связующего звена между Троей и Римом, — возникает и Антенор, который, согласно вергилиевской версии (отлично знакомой Драконцию), достиг Италии еще раньше, чем сын Анхиза и Венеры (*Aen. I.240–249*)³³. Таким образом, те, кто по сюжету «Похищения» если не прямо развязали Троянскую войну, то перевели отношения с греками на новую ступень эскалации, невольно оказались у истоков того самого «*imperium sine fine*».

Важно, что рассуждения о неотвратимости судьбы у Драконция имеют под собой не только вергилиевскую основу. На них во многом построена трагедия «Троянки» Сенеки³⁴ — другого автора, хорошо знакомого карфагенскому поэту³⁵. При этом рок, несущий гибель троянцам, и в частности Поликсене и Астианакту, не просто неминуем: смерть здесь знаменует переход от худшей жизни к лучшей. Гибель лучше рабства, утверждает Андромаха в диалоге с Улиссом (*Sen. Tro. 746*), еще пытаясь убедить его не убивать ее маленького сына и таким образом выбрать более тяжелое наказание. О смерти как к пути к освобождению и воссоединению с близкими грезит и она (418–425, 576–577), и Гекуба (1000–1007, 1171–1177). Даже греки порой оправдывают убийство тем, что это не худшая доля, — например, Пирр, расправившийся с Приамом (329). Наконец, все та же Андромаха, пытаясь утешить Астианакта, утверждает, что хоть и не владычествовать ему над троянцами на земле (770–780), но его Троя, сво-

³² Речь о нумансийцах, осажденных Сципионом (454–467).

³³ Примечательно, что среди спутников Антенора (и его сыновей) Сервий называет Полидаманта — разумеется, не того, который участвовал в посольстве (*Serv. Aen. I.242*), — но нужно понимать, что Драконций как раз был любителем такого рода путаницы и каламбуров. Ему ничего не стоило, например, объединить в одном лице Кронта — фиванского царя — и его тезку, отца Главки в «Медее».

³⁴ Например: *Sen. Tro. 360; 428; 528; 605; 636; 656; 682; 711; 941*. См. подробнее: [Shalton 2016: 183].

³⁵ О влиянии Сенеки на Драконция, включая скрытое цитирование «Троянок» в его творчестве, см.: [Bright 1987: 201; Tizzoni 2012: 65, 281–283].

бодная Троя, ждет в загробном мире (790–791: *sed iam Troia te expectat tua: i, vade liber, liberos Troas vide*).

Вопрос, который можно поставить в этой связи: считать ли героев Драконция марионетками, слепыми инструментами в руках судьбы? На поверку оказывается, что не совсем: персонажи вольны сделать выбор, попытаться отклониться от нее. Собственно, этот выбор стоит перед Приамом и Гекубой, когда Кассандра и Гелен испытывают их. Видно, какое облегчение приносит им речь Аполлона³⁶, как не хотят они идти на убийство Париса еще и из личных соображений — ведь это их сын, перед которым они еще и чувствуют свою вину за то, что в свое время его пришлось удалить из Трои (после предсказания Гекубе о факеле, который ее сожжет³⁷). Личное движет и Парисом — можно вспомнить, что в авторской терминологии им руководит не только *fatum*, но и *mens*.

Человеческие чувства руководят и Теламоном, который не хочет возвращать Гесиону Приаму: ведь она не только трофей и рабыня, но еще и его жена. Но этот персонаж значительно менее симпатичен автору: такой вывод можно сделать, если обратить внимание на сравнение саламинского царя со львом, достаточно типичное для Драконция именно в обозначении агрессоров. С ним сравнивается «храбрый муж» из «Контроверсии», воплощающий собирательный образ варвара (вандалов, применительно к реалиям Северной Африки, где жил Драконций). С другой стороны, эта же метафора применяется непосредственно по отношению к вандальскому королю Гунтамунду, отправившему поэта в бессрочное заключение за некий крамольный текст³⁸.

Последнее обстоятельство дополнительно позволяет оправдать послов в глазах читателя: сам пострадавший за слова поэт вряд ли мог всерьез упрекать своих героев за то, что те своими речами ввели в звериный гнев правителя. Не будем забывать и о том, что именно жесткость и неуступчивость Теламона были отмечены среди причин Троянской войны в начале произведения.

Обобщая вышесказанное, можно прийти к следующим выводам.

1. Раззадоривая Теламона, послы следуют воле рока — а не разжигают войну по самоуправству или неосторожности.

2. Риторика Драконция о «войне под видом мира» соответствует общему настрою ожидания беды, вынесенной за пределы повествования, которым пропитана поэма.

---

³⁶ 211–212: *Dixerat, et Phoebum Priamus summissus adorat / Et grates securus agit...* — «[Аполлон] сказал, и Феба покорный славит Приам, и благодарит, огражденный от бед».

³⁷ Вещий сон Гекубы упоминает Кассандра: 122–123: *Haec est illa tuo fax, mater, prodita somno, Quae simul incendet Troiam* — «Это и есть тот факел, что явился в твоём сне, что подожжет однажды Трою».

³⁸ Подробнее о «львиных» метафорах Драконция см., например: [Никольский 2025].

3. Трагедия войны станет той ценой, которую Троя уплатит за мировое величие Рима. И то и другое — рок, избежать которого нельзя.

4. Герои — не просто инструмент фатума, хоть и знают его наперед. Они (в первую очередь Приам и Гекуба, а с другой стороны, Теламон) стоят перед выбором: жестокость или милосердие — и на его изображении держится дидактическая составляющая поэмы.

Литература

- Никольский 2025 — Никольский И. М. Истоки и политический смысл звериных метафор в «Искуплении» Драконция: к вопросу о влиянии Овидия // Вестник древней истории. Т. 85. № 2. 2025. № 2 (85). С. 458–465. <https://doi.org/10.7868/S3034525125020095>.
- Bretzigheimer 2010 — Bretzigheimer G. Dracontius' Konzeption des Kleinepos *De raptu Helenae* (Romul. 8) // *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*. Bd. 153. Heft 3/4. 2010. S. 361–400.
- Bright 1987 — Bright D. F. The miniature epic in Vandal Africa. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 1987.
- De Gaetano 2009 — De Gaetano M. Scuola e potere in Draconzio. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2009.
- Díaz de Bustamante 1978 — Díaz de Bustamante J. M. Draconcio y sus Carmina profana: Estudio biografico, introducción y edición crítica. Santiago de Compostela: Universidad de Santiago, 1978.
- Gärtner 1999 — Gärtner T. Klassische Vorbilder mittelalterlicher Trojaepen. Stuttgart; Leipzig: B. G. Teubner, 1999.
- Pohl 2019 — Pohl K. Dracontius: *De raptu Helenae*: Einleitung, Edition, Übersetzung und Kommentar. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2019.
- Schetter 1987 — Schetter W. Dares und Dracontius über die Vorgeschichte des Trojanischen Krieges // *Hermes*. Bd. 115. Heft 2. 1987. S. 211–231.
- Shalton 2016 — Shalton J.-A. The fall of Troy in Seneca's *Troades* // The fall of cities in the Mediterranean: Commemoration in literature, folk-song, and liturgy / Ed. by M. Bacharova, D. Dutsch, A. Suter. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 2016. P. 183–211.
- Simons 2005 — Simons R. Dracontius und der Mythos: Christliche Weltansicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike. München: K. G. Saur, 2005.
- Tizzoni 2012 — Tizzoni M. L. The poems of Dracontius in their Vandalic and Visigothic context: PhD Thesis / The Univ. of Leeds, Institute for Medieval Studies. Leeds, 2012.
- Wasył 2011 — Wasył A. M. Genres rediscovered: Studies in Latin miniature epic, love elegy, and epigram of the Romano-Barbaric age. Kraków: Jagiellonian Univ. Press, 2011.
- Weber 1995 — Weber B. Der *Hylas* des Dracontius: *Romulea* 2. Berlin; Boston: B. G. Teubner, 1995.
- Wolff 1996 — Dracontius. Œuvres. Tome 4: Poèmes profanes VI–X; Fragments / Texte établi et trad. par É. Wolff. Paris: Les Belles Lettres, 1996.

References

- Bretzigheimer, G. (2010). Dracontius' Konzeption des Kleinepos *De raptu Helenae* (Romul. 8). *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*, 153(3/4), 361–400.

- Bright, D. F. (1987). *The miniature epic in Vandal Africa*. Univ. of Oklahoma Press.
- De Gaetano, M. (2009). *Scuola e potere in Draconzio*. Edizioni dell'Orso.
- Díaz de Bustamante, J. M. (1978). *Draconcio y sus Carmina profana: Estudio biográfico, introducción y edición crítica*. Universidad de Santiago.
- Gärtner, T. (1999). *Klassische Vorbilder mittelalterlicher Trojaepen*. B. G. Teubner.
- Nikolsky, I. M. (2025). Istoki i politicheskii smysl zverinyh metafor v “Iskuplenii” Drakontsiia [On the origins and political meaning of animal metaphors in Dracontius’ *Satisfactio*. Ovid’s influence]. *Vestnik drevnei istorii*, 85(2), 458–465. <https://doi.org/10.7868/S3034525125020095>. (In Russian).
- Pohl, K. (2019). *Dracontius: De raptu Helenae: Einleitung, Edition, Übersetzung und Kommentar*. Franz Steiner Verlag.
- Schetter, W. (1987). Dares und Dracontius über die Vorgeschichte des Trojanischen Krieges. *Hermes*, 115(2), 211–231.
- Shalton, J.-A. (2016). The fall of Troy in Seneca’s *Troades*. In M. Bacharova, D. Dutsch, & A. Suter (Eds.). *The fall of cities in the Mediterranean: Commemoration in literature, folk-song, and liturgy* (pp. 183–211). Cambridge Univ. Press.
- Simons, R. (2005). *Dracontius und der Mythos: Christliche Weltansicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike*. K. G. Saur.
- Tizzoni, M. L. (2012). *The poems of Dracontius in their Vandalic and Visigothic context* (PhD Thesis, The Univ. of Leeds, Institute for Medieval Studies).
- Wasył, A. M. (2011). *Genres rediscovered: Studies in Latin miniature epic, love elegy, and epigram of the Romano-Barbaric age*. Jagiellonian Univ. Press.
- Weber, B. (1995). *Der Hylas des Dracontius: Romulea 2*. B. G. Teubner.
- Wolff, É. (Ed.) (1996). *Dracontius. Œuvres, Tome 4: Poèmes profanes VI–X; Fragments*. Les Belles Lettres.

Информация об авторе

Иван Михайлович Никольский
кандидат исторических наук,
доцент, кафедра всеобщей истории,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, 119571, Москва,
пр-т Вернадского, д. 82
✉ ivannikolsky@gmail.com

Information about the author

Ivan Mikhailovich Nikolsky
Cand. Sci. (History)
Assistant Professor, Department of World
History, Institute of Social Sciences,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
✉ ivannikolsky@gmail.com